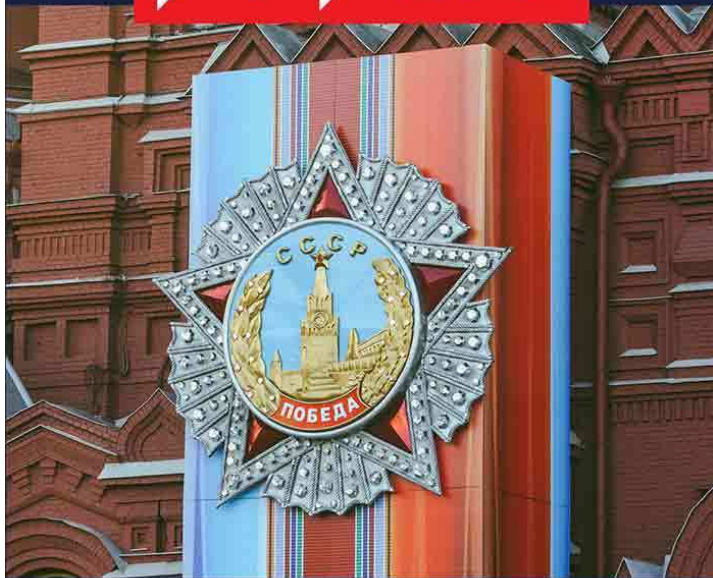

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ!

РУССКИЙ УСПЕХ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

Андрей Ильич Фурсов

Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21381285

*Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе.
Четвертое издание, дополненное. / Фурсов А.И.: Изборский клуб,
Книжный мир; Москва; 2019
ISBN 978-5-6041496-5-2*

Аннотация

Геополитические прогнозы А.И. Фурсова на удивление точно отражают ход истории и дают представление о наиболее вероятных версиях будущего России и всего человечества. В четвертом издании книги академик Фурсов предлагает читателю свой анализ русской истории с момента падения власти Золотой Орды и до украинского кризиса и Сирийской войны – с возможными перспективами и вариантами развития.

Как устроена российская власть в своей глубинной основе? В чём проявляется «опричный принцип русской истории»? Что такое «демонархия» – власть демона или монархия демоса? Что общего между Иваном Грозным, Петром I и Сталиным? Почему «оттепель», «застой» и «смута» у нас бывают почти каждый век? Насколько закономерным было появление Гайдара и Чубайса в недрах советского строя? На каком этапе цикла русской истории

находимся мы сегодня, и где окажемся завтра? Каковы истинные цели «десталинизации», объявленной в нашей стране? Почему российская элита презирает народ? Куда ведут мир Хозяева Игры и зачем завозят в Европу мигрантов?

Глубокие знания исторических процессов и событий, неопровержимая логика, незамутненный политической конъюнктурой и идеологическими штампами взгляд делают эту книгу А.И. Фурсова уникальной. Она позволяет читателю увидеть Россию и ее место и роль в мировой истории и мировом сообществе, увидеть русскую историю во всем ее величии и полноте, очищенной от пропагандистских наслоений и клише и понять непрерывность исторических связей и исторической логики русского пути. Эта книга позволит понять умом Россию и время, в которое нам выпало жить.

Четвертое издание, дополненное

Содержание

От издателя	5
Предисловие	7
Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем	8
Истоки опричнины – издалека-долга	11
Опричнина – как много в этом слове...	20
1572 год – куда подевался «гиперболоид инженера Грозного»?	28
Опричнина: цели и результаты	33
Опричный принцип власти	45
Много опричнин, хороших и разных?	52
Питерская версия опричнины versus грозненские, или погоня за убегающим пространством	66
Завтра была опричнина?	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Андрей Фурсов

Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе

От издателя

Имя историка и публициста Андрея Ильича Фурсова широко известно в России и за её рубежами. Он автор более 400 публикаций, включая одиннадцать монографий, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, директор Института системно-стратегического анализа.

Геополитические прогнозы А.И. Фурсова на удивление точно отражают ход истории и дают представление о наиболее вероятных версиях будущего России и всего человечества. Еще в 1990-е он высказал предположение, что вслед за смертью социализма с неизбежностью придет кардинальная трансформация капитализма, в результате чего возникнет более жестокий общественный строй, основанный на иерархии и насилии. Сейчас мы видим, как прогноз 20-летней дав-

ности сбывается.

В этой работе академик А.И. Фурсов предлагает читателю свой анализ российской истории с момента падения власти Золотой Орды и до украинского кризиса и Сирийской войны – с возможными перспективами и вариантами развития.

Глубокие знания исторических процессов и событий, неопровержимая логика, незамутненный политической конъюнктурой и идеологическими штампами взгляд делают эту книгу А.И. Фурсова уникальной. Она позволяет читателю увидеть Россию и ее место и роль в мировой истории и мировом сообществе, увидеть русскую историю во всем ее величии и полноте, очищенной от пропагандистских наслоений и клише и понять непрерывность исторических связей и исторической логики русского пути – от Грозного до Сталина и наших дней.

Эта книга позволит понять умом Россию и время, в которое нам выпало жить.

Предисловие

«Вперёд, за нашу победу!»

И. Сталин

В настоящем сборнике представлены статьи и интервью последних лет, посвящённые весьма разным темам: русская история и советский проект, Сталин и потуги сегодняшних пигмеев-десталинизаторов фальсифицировать историю, капитализм и мировой кризис и, конечно же, ближайшее будущее – автор очень рассчитывает на «холодный восточный ветер», ибо только «выстуженный Северо-восток» (М. Волошин), очищенный от гнили и падали, способен бороться, побеждать и быть в Истории – быть вопреки обстоятельствам. Финальную точку в этой книге я поставил 3 июля – в знаменательнейший день нашей истории. В этот день Святослав разгромил Хазарский каганат, и Русь сбросила хазарское иго. В этот день Сталин обратился к советским людям по радио, завершив своё выступление словами «Вперёд, за нашу победу!» Эти слова и стали эпиграфом к моей книге.

Андрей Фурсов

Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем

*И от ветра с Востока пригнулись стога,
Жмётся к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.*

В. Высоцкий, «Мы вращаем землю»

Опричнина – ключевое событие русской истории последних пяти веков. Именно она заложила фундамент той уникальной формы власти – авто-субъектной, – которая мутировала, слабела, возрождалась, менялась и, тем не менее, при каждой серьёзной смене не только оставалась самой собой, но и приобретала всё более чистую, свободную от собственности и «классовых привесков» (В.В. Крылов) форму – *la plus за change, la plus c'est la même chose* («чем больше меняется, тем больше остается собой»).

Более того, опричнина стала не только фундаментом, но одновременно и эмбрионом этой власти, которой суждено было развиваться по схеме **«преемственность через разрыв»**.

Наконец, опричнина подарила русской истории один из её главных (неглавных больше) принципов – опричный, ко-

торый, отрицая княжебоярский принцип, оттолкнувшись от него, породил принцип самодержавный и, таким образом, оформил и, если угодно, замкнул триаду, придав обоим принципам самостоятельный характер и заставив их жить собственной жизнью. И в этой собственной жизни каждого принципа именно опричный связывает самодержавно-национальный («народный») и олигархический (княжебоярский) принципы и, в известном смысле, снимает (в гегелевском, диалектическом, смысле) противоречия между ними.

Опричнина, как и её создатель Иван Грозный – оболганное явление нашей истории, порой сознательно, порой от непонимания. Оболганное как большими мастерами науки и литературы (например, на первых страницах замечательного романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» мы сталкиваемся с некими мерзавцами, коими оказываются опричники. Конечно же, среди опричников, как в любой «чрезвычайке», хватало «биологических подонков человечества» (И. Солоневич), но суть-то явления ускользнула от «второго Толстого». Как ускользнула она и от мелкой шантрапы, от тех же науки и литературы, а теперь ещё и кино (достаточно вспомнить фильм «Царь»).

Я хочу остановиться на нескольких вопросах:

- 1) опричнина как историческое явление, его корни – они столь же необычны, как сама опричнина;
- 2) фактическая сторона дела – очень кратко, основные вещи;

3) суть опричнины, её причины, последствия – кратко-, средне- и долгосрочные;

4) опричный принцип русской истории в противовес олигархическому и самодержавному, с одной стороны, и институциональному, с другой;

5) реализация опричного принципа в русской истории;

6) «грозненские» (Иван IV, Сталин) и «питерская» (Пётр I) версии опричнины;

I) версии опричнины;

7) нужна ли и возможна ли в России сегодня (или завтра) новая опричнина (неоопричнина) или, точнее, нужно ли и возможно ли возвращение опричного принципа в той или иной форме, и если да, то какова может быть цена.

Истоки опричнины – издалека-долга

Причины, породившие опричнину, уходят в XIV–XV века, в ордынскую эпоху – «Крот Истории роет медленно» (К. Маркс). Превращение русских князей в улусников Золотой Орды принципиально изменило конфликты в среде русской знати, их вектор.

Если в домонгольскую эпоху они по своей логике мало чем отличались от западноевропейских, то под владычеством Орды они стали иными. Поскольку княжества боролись за место под «ордынским солнцем» (или под «ордынским зонтиком»), и от этого зависела судьба не только князя, но и бояр, последние, чтобы взять верх над соперниками, т. е. другими княжествами, должны были поддерживать своего князя, а не бороться с ним, не раскачивать лодку. В результате побеждали те княжества, в которых отношения князя и боярства приобретали характер симбиоза, превращаясь в «княжебоярский комбайн», штуку вполне олигархическую.

Больше и быстрее всех в создании «комбайна» преуспела Москва, и это стало залогом её побед. Именно настырные московские бояре в 1359–1363 годах, когда ярлык на правление был отдан Ордой суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, постоянно ездили в Сарай, и не мытьём, так катаньем (и взятками, конечно) выторговали-выклянчили у

хана и его «турз-мурз» ярлык для своего князя.

Именно московские бояре во главе с И. Всеволожским в 1432 году окончательно добились у Улу Мухаммеда ярлыка Василию II, а затем, сохраняя «комбайн» во время «великой замятии», уходили вместе со своим князем в Коломну (1433), Вологду (1446), Тверь (1446), а не оставались в Москве с победителями – Юрием Дмитриевичем и Дмитрием Юрьевичем (Шемякой). Московским боярам нужна была победа, но только «одна на всех», и они, бояре, готовы были не стоять за ценой, поскольку знали: их сила – в князе, а сила князя – в них, поскольку нет у него иной опоры, кроме них.

Разумеется, всё это не исключало конфликтов между князем и боярами. Так, в 1379 году в Москве был казнён боярин, сын последнего московского тысяцкого И.В. Вельяминов – то была первая публичная казнь в Москве и, что символично, первым казнённым был боярин. Были и другие случаи. И, тем не менее, до конца XV века, до тех пор, пока была Орда, княжебоярский «комбайн» работал.

Всё изменилось на рубеже XV–XVI веков, когда совпали «уход» Орды, присоединение Москвой огромного массива новгородских земель и женитьба Ивана III на Софье Палеолог. Наличие Орды цементировало княжебоярский «комбайн» перед лицом хана. Теперь, с исчезновением Орды, сам великий князь становился «ханом» (православным), намечая, пока пунктиром, отделение от боярства.

При этом внешнее, формальное отделение обгоняло внут-

ренное, содержательное.

Дело в том, что новая (вторая) супруга Ивана III Софья Палеолог сделала всё, чтобы установить при московском великокняжеском дворе новые порядки. При Иване III это не очень-то удалось: хотя Софья и попыталась завести при дворе новый пышный и строгий церемониал по византийскому образцу, отношения князя и бояр в целом оставались «по старине», патриархально-домашними. Однако с вокняжением в 1505 году Василия III всё изменилось – новый князь, потомок не только Рюриковичей, но уже и Палеологов, повёл себя с боярами как самодержец: практически перестал советоваться с ними, открыто наказывал несогласных, и урезание языка было одним из наиболее мягких наказаний. Так византийская форма обрамила автосубъектное, наведённое Ордой, содержание, и на эту-то форму и «ловятся» историки, не замечая содержание и разглагольствуя о «византийском влиянии».

Однако наиболее важным фактором подрыва княжебоярского «комбайна», заложенной под него бомбой замедленного действия был массив новгородских земель, прихваченный Москвой в 1470-е годы. Этот массив позволил московскому князю начать в невиданном доселе масштабе раздавать земли в качестве поместий, т. е. реально развивать поместную систему. И хотя первый русский помещик (Бориско Борков) упоминается ещё в 1328 году, реальное развитие поместной системы стартовало в конце XV века.

Получали поместные земли в массе своей «дети боярские» (т. е. дворяне). Впрочем, поместьями наделялись и представители боярских родов, однако, прежде всего, поместья были средством существования массы мелкого и среднего служилого люда. В результате появился огромный слой, который численно превосходил князей и бояр, слой, чьё обладание вещественной субстанцией полностью зависело от великого князя (после 1547 года – царя). Последний был единственным, кто мог оградить их от произвола богатых и знатных. Ну а великий князь получил, наконец, иную, чем боярство, социальную опору, что объективно улучшало его властную позицию внутри княжебоярского «комбайна».

Основные противоречия внутри господствующих групп – между князем и боярством, между боярством и дворянством – наметились уже на рубеже XV–XVI веков. Однако в первое тридцатилетие XVI века они не приобрели острого характера, оставались латентными – эти десятилетия были относительно спокойным временем в русской истории: экономический подъём, отсутствие крупномасштабных эпидемий, в целом удачная внешнеполитическая ситуация (за исключением поражения при Кропивне в 1514 году и «крымского смерча» «в исполнении» Мухаммед-Гирея в 1521 году). В целом Московия неспешно «переваривала» то, что проглотила при Иване III.

Ситуация изменилась к 1550-м годам: процесс «переваривания» закончился, наследие ордынско-удельной эпо-

хи, прежде всего земельный фонд, было «проедено»; бояре, привыкшие к вольнице 1530-1540-х годов, причём к вольнице в отношениях как с малолетним, а затем юным великим князем, так и с «детьми боярскими», потихоньку борзели. Противоречия в обществе по поводу доступа к общественному пирогу различных слоёв господствующего класса, их доли в нём (а в России это доступ только через власть) стали обостряться. При этом противоречия внутри господствующего класса (как между верхами, с одной стороны, и средними и нижними слоями, с другой, так и между наиболее знатными кланами) обострялись на фоне обострения противоречий между господствующим классом в целом и населением. Такая ситуация сама по себе требовала консолидации господствующих групп, их замирения. Не случайно собор 1549 года – фактически первый земский собор – был назван Собором примирения, главной задачей которого было прекратить боярские злоупотребления властью по отношению к детям боярским.

Задачи консолидации господствующих групп (одна из серьёзнейших задач практически для всех структур русской власти) в рамках централизации власти решали (или пытались решить) реформы «Избранной рады». Однако если первый этап реформ (первая половина 1550-х годов) способствовал некоторой стабилизации социальной ситуации, то на втором этапе стало очевидно, что какие-то группы должны были вынести на себе основное бремя реформ, и по всему

выходило, что это, прежде всего, крестьянство и в значительной степени – низы и средние слои господствующего класса. И это притом, что по «приговору о службе» 1556 года весь господствующий класс, т. е. не только помещики, но и вотчинники, становился военно-служилым, проще говоря, ставился под жёсткий контроль центральной власти. Всё это вело к новому обострению противоречий, которое в условиях сложной внешнеполитической ситуации становилось прямой и явной угрозой центральной власти, центроверху. Разрешить эти противоречия или хотя бы максимально смягчить, равно как и двигаться дальше по пути укрепления центроверха, персонификатору последнего без конфликта с боярством было невозможно. Конфликт назревал, первые ходы в нём сделал царь.

В 1562 году новая духовная грамота несколько отодвинула Боярскую думу (направление удара – власть); затем было издано новое уложение, запрещавшее княжатам продавать и менять старинные родовые земли (направление удара – собственность). К тому же Иван IV объявил решение о пересмотре сделок по княжеским вотчинам аж с 1533 года. То была «чёрная метка», причём весьма адресная: был чётко очерчен первый круг князей, на которых распространялся пересмотр. Так сказать, цели определены, задачи ясны, за работу, товарищи.

В этом «круге первом» оказались представители главнейших родов/кланов суздальской знати – князья Шуйские,

Ярославские, Стародубские и Ростовские. По сути, царь «вырыл топор» социальной войны с многочисленной и могущественной знатью: 265 представителей четырёх кланов служили в составе Государева двора, 119 проходили службу по особым привилегированным спискам и 17 сидели в Боярской думе в качестве бояр и окольничих.

Теперь ситуация могла разрешиться только по-ленински: «кто кого». А вот у царя в предстоящей схватке не было никаких институциональных средств борьбы. Напротив, все существующие институты защищали московский старый порядок – княжебоярский, работали против царя, жёстко привязывали его к боярству в рамках «комбайна» ордынских времён. Вот эту связь, цепь, и предстояло разорвать, уничтожив комбайн, а царя – в качестве элемента этого «комбайна» – освободить, превратив в единодержца.

Но как это сделать? Особенно если учесть, что даже первые шаги царя вызвали ответную реакцию – в Литву бежит и начинает там антигрозненскую пропаганду бывший друг царя Андрей Курбский; духовенство и Боярская дума требуют прекратить гонения на знать (жертвами репрессий пали Репнин и Кашин – князья из рода Оболенских и Овчинин). Ситуация предельно обострилась к концу 1564 года.

Теоретически у царя было два очевидных варианта большой властной игры. Один – опереться в противостоянии с боярством на дворянство в целом как класс. Но, во-первых, дворянство само по себе в грозненское время не было клас-

сом, оно станет таковым только во второй половине XVIII века, особенно «трудами» Петра III и Екатерины II, и потому-то немецкая самозванка на русском троне сможет опереться на него в противостоянии и вельможам, и гвардии, разрешив таким образом «казус Анны Иоанновны» (с вельможами-«затейниками»-олигархами против гвардии или с гвардией против вельмож); дворянство как класс ещё предстояло создать, а на это не было времени – целой жизни не хватило бы. Во-вторых, «создание дворянства» потребовало бы наделения его некими правами, а в условиях неформальности, бытия-в-себе, в неразвитом состоянии центральной власти это было крайне рискованно. В-третьих, это был путь медленный и эволюционный, на который не только не было времени, но который мог быть насильственно прерван.

Другой вариант – выкидывать белый флаг, растворяться в княжебоярстве, в олигархической централизации, что означало опасность для государства, лично царя и даже династии (достаточно вспомнить события марта 1553 года). Но **был третий вариант, неочевидный, на первый взгляд просто немислимый, и он-то и был реализован** – Насиб Талеб назвал бы это «чёрным лебедем».

Третий вариант – предпринять нечто нестандартное и чрезвычайное, выражаясь шахматным языком, Иван (а он играл в шахматы и, по одной из версий, умер во время шахматной партии) должен был найти неожиданное продолжение, ошеломив им противника. Царь нашёл решение, и сло-

во, – которое «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (тютчевское «слово» меняем на «дело») – заложило основу особой власти в форме самодержавия и определило ход русской истории на несколько веков. Словорешение называлось «опричнина». Необычная форма – княжебоярский «комбайн» – вызвала к жизни и необычное, чрезвычайное средство её устранения, выковала своего могильщика.

Опричнина – как МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ...

3 декабря 1564 года, помолившись в Успенском соборе и картинно (царь был большой лицедей) простившись с митрополитом Афанасием, членами Боярской думы, служилыми людьми, царь с семьёй и ближними людьми «погрузился» в санный поезд и под охраной нескольких сот вооружённых людей отправился на богомолье, увозя, к удивлению провожающих, государственную казну и наиболее почитаемые иконы. Миновав Коломенское и Троицкий монастырь, он обосновался в Александровой слободе, которая, по сути, была естественной крепостью.

Из Александровой слободы царь отправил письмо митрополиту, в котором предъявлял обвинения в адрес боярства и духовенства, говорил о том, что налагает на обидчиков опалу и отказывается от трона, поскольку не может править (казнить и миловать) по своему разумению. Отречение от царства и одновременно опала – в этом есть определённое противоречие: налагать опалу на высшие чины может только царь, а он-то как раз и отказывается от этой «функции».

В то же время царские гонцы распространили в столице письма (по сути, прокламации), в которых от имени царя говорилось, что опалы налагаются только на бояр, и что на посадский люд гнева нет. Таким образом, царь натравливал

посадский люд на бояр, используя, выражаясь марксистским языком, классовые противоречия и, находясь, используя уже другой язык, в режиме активного выжидания. Выжидание это далось царю нелегко: он знал, что играет ва-банк и что может проиграть – всего за один месяц, за декабрь, 34-летний царь постарел на несколько лет, ссутулился, облысел. Но паузу выдержал, не сморгнул. Сморгнула противоположная сторона, хорошо помнившая июньский бунт 1547 года (когда толпа рвала боярина Глинского) и справедливо опасавшаяся народного бунта.

5 января 1565 года депутация, состоявшая из «высокопоставленных лиц» была Ивану челом сменить гнев на милость, возвратиться на царство и править страной, как ему хочется. Условием возвращения Иван выдвинул признание государственной воли единственным источником власти и закона. Царь становился над верхушкой господствующего класса и её институтами, и бояре согласились. По сути, это была революция внутри господствующего класса, ломавшая двухсотлетние княжебоярские устои. Однако царь не был наивным человеком, он прекрасно понимал то, что в начале XX века сформулирует Ленин: грош цена революции, не способной себя защитить. Ну а лучшая защита – нападение. Средство социального защито-нападения Иван Грозный изобрёл сам – то была опричнина.

Объявив о возвращении, царь в то же время поставил депутацию в известность, что частью страны будет управлять

сам, с помощью своих людей; в этой части не будет Боярской думы, приказов и т. п. Царь решил «учинить на своём государстве себе опришнину», т. е. выделить особый удел, в котором заводились новые порядки, новая администрация, новая господствующая группа, а точнее, господствующая группа нового типа – опричники.

В начале XX века Ленин сказал: дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию – и перевернул, создав новую властную, а затем и социальную систему. Перевернул, правда, с помощью исторических обстоятельств, этой организацией не только не созданных, но и непредвиденных, а главным образом – с помощью немецкого Генштаба и банкиров Уолл-стрит. Перефразируя Ленина, Иван IV мог бы сказать: дайте мне организацию особого типа, и я переверну Русь, – и перевернул, создав новую властную, а затем социальную систему (самодержавие). Но сделал это без иностранной помощи, чем отличается от двух «антихристов» русской истории – Петра I и Ленина.

Иван Грозный разделил страну на две части: опришнину и земщину. В земщине продолжали править Боярская дума и приказы – но это на бумаге, по сути, и её контролировали опричники, лишь формально ограниченные опричной зоной. В последней же опричники хозяйничали и по сути, и по форме. Опричный корпус в разное время достигал численности от 1 тысячи до 5 тысяч человек; отбирал в него сам царь. В корпусе служили представители всех слоёв господ-

ствующего класса – князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало «ранговые» различия. Это усиливалось тем фактом, что, вступая в опричнину, человек должен был отречься от родных и друзей, обязывался служить царю и искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны (отсюда знак опричника – собачья голова и метла).

По сути, опричнина была первой в русской истории чрезвычайной комиссией (ЧК), организацией, поставившей чрезвычайный принцип над институциональным. Они потом не раз ещё явятся в русской истории. Гвардия Петра I, ЧК большевиков: «быль царей и явь большевиков», «бред разведок, ужас чрезвычайек» – так об этом напишет Максимилиан Волошин в стихотворении «Северовосток». Но первой стала опричнина, а изобретателем и генеральным/гениальным конструктором был Иван Грозный, крупнейший из авторов русских властных инновационных проектов.

По форме организации опричнина отчасти копировала церковную, точнее – монастырскую. Опричную «братию» возглавлял игумен (сам царь), были в ней пономарь, келарь, рядовые монахи. Была общая трапеза. Верхние одежды были грубыми – нищенскими или монашескими, в руках опричника – посох. Но трапеза была не аскетической, а обильной, изысканной, под грубой верхней одеждой скрывалась одежда из тонкого сукна на собольем или как минимум куньем меху и шитая золотом; на поясе под одеждой висел длинный

нож. Перед нами эдакий светский орден мече(ноже)носцев, имитирующий церковный; полтора века спустя в виде «все-пьянейшего и всешутейшего собора» Пётр I доведёт до конца эту имитационную, «опускающую» церковь как институт логику.

Иван Грозный дал чёткое название придуманному им чрезвычайному органу, «властному гиперголоиду» – «опричина». Обычно упоминают только одно значение этого слова: «опричь» значит «кроме». Однако есть ещё три значения, и все они работают на новую форму, т. е. адекватно характеризует её содержание. Второе значение «опричины» – так называли крестьян одной социальной категории, вместе записавшихся в монастырь (опричина как – по форме – монастырская братия). Третье значение – вдовья доля: когда погибал или умирал боярин (дворянин) и некому было служить (нет ни детей, ни племянников или есть только дочери), большая часть владений отписывалась в казну, а часть – «опричина» – оставлялась вдове. Большой любитель поюродствовать (и чёрного юмора) царь со вкусом применил «вдовью» интерпретацию к своему новому уделу. Наконец, четвёртое значение – «опричиной» называли изысканное, самое вкусное блюдо, которое подавалось для лакомства после того, как основная часть гостей отбивала, и за столом оставались хозяин и самые дорогие гости – «лутчие люди». Это значение опричины как нельзя лучше характеризует несоответствие скромной формы и разгульного содержания

опричнины.

ЧК под названием «опричнина», по мысли царя, должна была сломить сопротивление знати. Но сопротивление чему? Какое сопротивление стремился упредить царь? Сопротивление тому, что составляет главное, по сути, в опричнине – так называемый «земельный террор». Именно он был «основной операцией», которую должен был обеспечить и прикрыть физический террор, творимый опричниками. Последний был важен, особенно в самом начале, чтобы запугать, как говаривал уорреновский Вилли Старк, «чтобы их внуки в этот день описались, сами не зная почему».

Но физический террор, масштабы которого сильно преувеличены, не был ни единственным, ни тем более главным в опричнине. Главным было «перебрать людишек» и их земли; иными словами, осуществить обещанный пересмотр княжеских сделок по земле, совершённых после 1533 года, т. е. после того, как со смертью Василия III ослабла государева узда на шее боярства. Конкретно речь шла о том, чтобы снять князя или боярина с насиженных мест, даже если это его вотчина, и переселить в другое место, выделив ему там землю – практика вполне ордынская. Но дело было не столько в собственности, в подрыве экономических позиций, хотя и в этом тоже, а во власти: «земельный террор» рвал связь князей с их детьми боярскими, у них «переменялся двор», и их позиции слабели. Недаром одной из любимых фраз Ивана Грозного была «перебрать людишек». О том, к каким ре-

зультатам привёл «перебор» – чуть позже, а сейчас – кратко – об основных событиях опричнины.

Уже в 1565 году состоялись первые казни. В 1566 году возник конфликт 300 земцев – участников Собора 1566 года с царём (челобитная об отмене опричнины). В 1567 году – новые репрессии. В 1568 году вспыхнул конфликт царя с митрополитом Филиппом. В следующем году был уничтожен последний удельный князь Владимир Старицкий с семьёй. В 1570 году был разгромлен Новгород и проведено дело «о новгородской измене» в Москве. За этим последовал второй тур «московского дела» – арест, казни и уничтожение полутора десятка опричников, включая Вяземского, Черкасского, Басмановых.

За время опричнины было пролито немало крови – особенно по сравнению с правлением Василия III. Однако по сравнению с тем, что творили современники грозного царя в Западной Европе – Карл IX во Франции во время религиозных войн (Варфоломеевская ночь и другие погромы), Генрих VIII и Елизавета I в Англии, герцог Альба по приказам испанского Филиппа II в Нидерландах, – действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно. О злодеяниях западных королей и королев критики Ивана IV, как западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь всё познаётся в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очернить Россию, русских и их царя, и обелить себя – одним из качеств западной цивилиза-

ции является фантастическая самоапология, изощрённое самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных автофобов, раздувающих до вселенских масштабов то, что не идёт ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов и не выходит за рамки статистической («аристотелевской») нормы. Я уже не говорю о том, что становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса «длинного XVI века» (1453–1648) протекало с кровью, и русские «потоки» были, пожалуй, одними из самых малых.

Тем более что длилась опричнина всего семь лет, а затем, в 1572 году была отменена.

Стоп. Откуда мы знаем, что она была отменена? И если была, то в каком смысле? Именно «отмена опричнины», прояснение этого вопроса позволяет лучше понять её причины, суть и результаты, пролить на них свет.

1572 год – куда подевался «гиперболоид инженера Грозного»?

Впервые предположение об отмене опричнины высказал – без каких-либо доказательств – большой выдумщик по части русской истории Карамзин в 1825 году. Тезис был принят. В 1925 году были опубликованы мемуары Штадена – немца, жившего в России во времена опричнины. Штаден, представивший себя в мемуарах опричником, заявлял, что опричнина была отменена в 1572 году.

Я согласен с Д. Альшицем, что Штадену верить нельзя. Опричником он не был, жил в земщине и сбывал награбленное опричниками. Барыга, враль, не имевший доступа к серьёзной информации. Действительно, за упоминание слова «опричнина» с 1572 года били кнутом – и что?

Какие ещё аргументы приводятся в пользу того, что царь разочаровался в опричнине и потому отменил её? Таких аргументов два, и их убедительно опроверг Д. Альшиц.

Первый аргумент – «битва на Молодех» 1572 года, когда русские, правда, дорогой ценой, нанесли сокрушительное поражение крымцам в 45 км от Москвы. Попутно замечу, что эта битва, значение которой историки, прежде всего либеральные, преуменьшают (а то и вовсе не упоминают эту битву), как минимум, не менее важна, чем Куликовская – потерпи русские поражение, и пришлось бы платить дань

крымскому ханству.

Некоторые историки, не приводя конкретных аргументов, утверждают по поводу битвы «на Молодех»: опричники, де показали, что могут мордовать только мирное население, что они «молодца против овца, а супротив молодца – сами овца»; поэтому якобы не надеясь на своих «кромешников», царь перед битвой «разбавил» войско земскими полками, они-то, под командованием Воротынского, и выиграли сражение. Всё это, однако, досужие домыслы.

Во-первых, представление о низкой боеспособности опричного войска ни на чём не основано. Во-вторых, в битве опричные полки под командованием Хворостинина показали себя, как минимум, не хуже земцев. В-третьих, что касается объединённого земско-опричного войска, то оно было создано не потому, что царь сомневался в боеспособности опричников, а по совсем другой причине – именно потому, что он полагался прежде всего на опричников. Дело в том, что в 1568 году был раскрыт заговор под руководством боярина Фёдорова. Заговорщики планировали силами земских полков перебить опричные, захватить Ивана Грозного и выдать его полякам. Вот после раскрытия заговора и было решено создать общее опрично-земское войско, в котором опричный сегмент выполнял функцию коллективного «политкомиссара».

Второй аргумент: в 1571 году царь начал казни опричников, это якобы означает, что он разочаровался в опричнине

и на следующий год отменил её. Начать с того, что опричников казнили не за то, что они опричники, а в каждом случае была своя конкретная причина. Это первое. Второе заключается в том, что казни решали проблемы отношений внутри опричного корпуса, – были, если пользоваться терминологией Мао Цзэдуна, «исправлением стиля»: репрессии проводили не земцы, а сами же опричники – Малюта Скуратов и Василий Грязной, т. е. одна часть ЧК с одобрения царя устранила другую часть. И, наконец, самое главное: после так называемой «отмены опричнины» опричники заполнили Государев двор, опричное правительство стало называться «дворовым», функционировало оно до самой смерти царя, а точнее, не просто функционировало, а проводило прежнюю политику; правда, физического террора поубавилось (в нём уже не было нужды – воля противников была сломлена, к тому же Борис Годунов усовершенствовал унаследованный от своего тестя Малю-ты Скуратова «политический сыск», и во многих случаях достаточно было профилактических акций в режиме активного противодействия), а вот механизм земельных перераспределений опричного типа продолжал действовать. Государев двор, «накачанный» опричниной, стал главным органом власти, изменив своё положение по отношению к Боярской думе. Без опричнины такого изменения в положении и роли «президентской администрации» XVI века и помыслить себе нельзя.

Так что же изменилось? Лишь «знаки и возглавья» (М.

Волошин), т. е. изменилось – исчезло – слово. Но не дело по своей сути. Дело изменилось по форме: **опричнина из ЧК превратилась в регулярную организацию**, в – худо-бедно – институт. Рискнёт ли кто-нибудь сказать, что когда в начале 1920-х годов ЧК переименовали в ГПУ, её отменили? Конечно же, нет, она стала постоянно действующим институтом.

К 1572 году опричнина выполнила свою чрезвычайную функцию «страха и ужаса», подмяла существовавшие до неё органы власти, во многом обесценила их, «укатала-уездила» опричную территорию, подготовив её к новой жизни.

В **этом** смысле – «следствие окончено: забудьте» – опричнина была отменена, но не она растворилась в окружающем мире, а в значительной степени растворила его в себе. Как показали события правления Фёдора Иоанновича и Смуты, растворили недостаточно, чтобы превратить шествие новой власти в триумфальное. Но как показало всё правление Михаила Романова и уже первые (до 1649) годы правления Алексея Романова, растворили достаточно, чтобы сделать процесс изменений властно-необратимым. В 1649 году Соборным уложением правнук любимой жены Грозного царя Анастасии Захарьиной-Юрьевой полностью восстановил самодержавие, спроектированное прабабкиным мужем.

Опричнина исчерпала себя не в том смысле, что разочаровала царя, а в том, что за семилетку решила поставленные чрезвычайные задачи и была институционализирована в виде

старого по форме, но совершенно нового Государева двора – «чрезвычайки» по определению не вечны. Можно сказать, что и царь, и боярство (правда, последнее не по своей воле) нырнули в котёл с кипящей водой, только царь, в отличие от героя ершовского «Конька-горбунка», в котле не сварился, а вынырнул «добрым молодцем» (не в прямом смысле слова, в прямом он вынырнул облезшим стариком, разве что не Хоттабычем; впрочем, некоторые властномagические качества благодаря новой технологии власти приобрёл), а вот коллективный боярин – «бух в котёл, и там сварился». Я не злорадствую – иллюстрирую. Тем более что у бояр была своя правда, но то не была системная правда русской истории – столкновение правд всегда трагично.

Опричнина: цели и результаты

Итак, отмены бывают разные, и отмена отмене – рознь. Здесь возникает вопрос о социальной природе, целях и результатах опричнины. Поэтому среди историков нет единого мнения.

С.М. Соловьёв, автор знаменитой «Истории государства российского», видел в опричнине форму борьбы государственного строя с боярским, который выходит если не антигосударственным, то негосударственным. В.О. Ключевский вообще не считал опричнину чем-то закономерным и целенаправленным, а видел в ней проявление страха царя, его паранойи. С.Ф. Платонов, ничтоже сумняшеся, квалифицировал опричнину как средство пресечения княжебоярского сепаратизма. Н.А. Рожков результаты опричнины усматривал в землевладельческом и политическом перевороте. М.Н. Покровский – вполне в духе своего подхода – трактовал опричнину как средство перехода от феодализма к торговому капитализму, и от вотчины – к прогрессивному мелкопоместному хозяйству. Советские историки в своей массе рассматривали опричнину сквозь классовую (а часто – вульгарно-классовую капиталоцентричную) призму, трактуя самодержавие как классовый орган дворянства и подчёркивая его антибоярскую направленность, причём главной сферой борьбы объявлялась собственность, землевладение.

Рассмотрим некоторые точки зрения. Начнём с Платонова, с якобы стремления княжат и бояр к сепаратизму. Подобный подход, на мой взгляд, неправомерно переносит на русскую почву западноевропейские реалии – на средневековом Западе феодальная знать действительно имела сепаратистские устремления. Однако на Руси ситуация была иной, и дело даже не в той общей причине, что у нас феодализма не было. Причина вполне конкретна: Русь практически не знала примогенетуры, т. е. наследования старшим сыном **всей** земли, как это было на Западе. В результате на Западе имела место концентрация из поколения в поколение земли в одних руках, и чем древнее род, тем, как правило, больше у него земли, отсюда – формирование крупных земельных массивов, способных к экономическому обособлению, а следовательно, к властному сепаратизму.

На Руси свою долю наследства, прежде всего землю, получали все сыновья – принципа примогенетуры не было. В результате возникала парадоксальная (с западной точки зрения) ситуация: чем древнее княжеский или боярский род, тем меньше вотчины у его представителей. К середине XV века уделы даже удельных князей, не говоря о боярском землевладении, раздробились-измельчали до того, что во многих случаях приблизились по своим размерам к вотчинам обычных служилых людей. В следующем веке эта тенденция сохранилась.

Пример. В роду князей Оболенских в XVI веке насчиты-

валось около 100 мужчин; площадь княжества – 30 тысяч га. В среднем на душу выходит 300 га – я согласен с теми, кто считает, что с 300 га по-княжески не поживёшь, 300 га – это владения служилого человека. А раз так, то чем древнее и знатнее княжеский и боярский род, тем больше, в отличие от западноевропейских «маркизов карабасов» и прочих «синих бород», он зависит от поместий, от централизации, заинтересован в ней. Русские князья и бояре в массе своей выступали за централизацию. Вопрос – за какую. Централизация может быть едино(само)державной, а может – княжебоярской, олигархической. Но об этом выборе «русского витьязя на распутье» – позже. Итак, схема Платонова не срабатывает.

«Страх и паранойя царя», «политический маскарад», докладывает Ключевский. Однако всё в опричнине – и тщательность подготовки, и выверенность действий, а главное, чёткая продуманность географии опричнины – опровергает такой подход, демонстрирует его непродуманность, легковесность. Какие земли отошли в опричнину? Самые важные в военно-стратегическом и хозяйственном отношении. Прежде всего, это земли, прилегающие к западной границе Руси – шла Ливонская война. В опричнину включили районы добычи соли, зона на севере (Архангельск, Холмогоры). Опричное Среднее Поволжье рассекало волжскую торговлю и ставило её под опричный контроль. Средневожское купечество весьма выиграло от такого хода, именно в опричнину

были заложены здесь основы богатства тех слоёв, второе поколение которых придёт в 1612 году спасать Москву и восстанавливать самодержавие, причём не только по религиозно-патриотическим, но и по экономическим резонам. Упрощая, можно сказать, что опричная зона в Среднем Поволжье стала вложением властного капитала, непрямым следствием чего стало второе земское ополчение, ополчение Минина и Пожарского.

Москва тоже была разделена на земскую и опричную части таким образом, чтобы из опричной части легко было попасть в опричный же Можайск и двигаться в сторону опричного приграничья – царь страховался, и было от чего. Иваном двигала не паранойя, а расчёт, пусть во многом и основанный на страхе. Ключевский противоречит себе, когда сам же утверждает: Иван «бил, чтобы не быть битым».

В советской историографии – две линии, отражающие две проблемы, с которыми столкнулись советские историки. Когда стало выясняться, что опричина была не только по боярству, но и по другим социальным группам, которые не противостояли централизации (здесь та же логика, что и у С.Ф. Платонова), была сделана попытка разделить опричину на два этапа: антикняжеский и антибоярский. Но как в таком случае объяснить, что жертвами опричины стала и часть дворянства, т. е. слоя, явно заинтересованного в централизации? К тому же, как мы помним, князья и бояре тоже были сторонниками централизации. Т. е. опричный каток про-

шёлся по всем группам, заинтересованным в централизации. Парадокс? Увидим позже.

Второй момент. Длительное время советские историки трактовали опричнину как борьбу за передел земельной собственности; цель борьбы – изменить соотношение крупной и мелкой земельной собственности. Однако А.А. Зимин убедительно показал, что опричнина не подорвала социально-экономические («материальные») основы могущества знати, число княжеско-боярских владений в XVII веке осталось практически прежним, тем более что шел процесс «конвергенции» вотчины и поместья. И если судить об опричнине с **ЭТОЙ** точки зрения, то она, конечно же, своей функции не выполнила, не лишила князей и бояр их собственности – дополнительный аргумент для тех, кто считает, что опричнина провалилась, и царь, разочаровавшись в ней, упразднил её.

Оттолкнувшись от вывода А. Зимина, другой советский историк, В. Кобрин, заключил: поскольку опричнина не изменила тенденций в развитии земледелия, земельной собственности (напомню, что советские историки в подходе к данному вопросу концентрировались прежде всего на отношениях земельной собственности), то и борьба дворянства в союзе с царём против боярства – миф, тем более что от опричнины досталось не только боярству, но и дворянству.

Логично? На первый, поверхностный взгляд – да. Но только в том случае, если подходить к опричнине с узкоклассо-

вых позиций. Однако, во-первых, «классы» в докапиталистических обществах – совсем не то, что при капитализме; во-вторых, кроме собственности есть власть, и именно она играет решающую роль в русской истории. Я уже не говорю о том, что вся русская история – это история постепенного освобождения власти от собственности, реализация воли к «чистой власти».

Не могу не согласиться с Д. Алыницем, который считает, что, во-первых, конфликт между царём и дворянством, с одной стороны, и боярством, с другой – не миф, но объект этого конфликта – не собственность. Во-вторых, все – и царь, и бояре, и дворяне – были сторонниками централизации, а значит, удары по всем этим группам могут иметь какую-то логику, но иную, нежели, если не сказать вульгарно, узкоклассовая.

Тот факт, что некие группы дружно выступают за централизацию, не исключает возможности различий между ними – вплоть до острейших, антагонистических. И касались они вопроса: за какую централизацию – едино/самодержавную или олигархическую? В чьих интересах – центроверха или верхних слоёв господствующего класса? Каким способом центроверх будет консолидировать господствующий класс? Центроверх будет отражать, выражать или представлять интересы господствующего класса? И многое прочее, а среди этого прочего – главное: как сможет центроверх обеспечить доступ тех или иных групп к «общественному пиро-

гу», т. е. к совокупному общественному продукту вообще и прибавочному продукту в частности.

В XVI веке вопрос «кто кого» по поводу русской централизации, вопрос о том, какой тип, вариант централизации победит, более конкретно – удастся опричнина или нет, решила специфика русского хозяйства, исследованная Л. Миловым и историками его школы.

Главная черта, характеристика русского аграрного хозяйства – то, что на Руси в силу суровости её природно-климатических и природнопроизводственных условий создавался (и создаётся) небольшой по своему объёму совокупный общественный (а следовательно, и прибавочный) продукт – это так и само по себе, и особенно по сравнению с Западной Европой, и тем более – с Восточной и Южной Азией.

В таких условиях средним и тем более нижним слоям господствующего класса прибавочный продукт может достаться только в том случае, если центральная власть, помимо прочего, будет ограничивать аппетиты верхов – как эксплуататорские в отношении угнетённых групп (чтобы сохранялась какая-то часть прибавочного продукта для неверхних групп господствующего класса), так и перераспределительные по отношению к средним и низшим группам всё того же господствующего класса. Только сильная центральная власть могла ограничить аппетиты «олигархов».

Из-за незначительного объёма прибавочного продукта олигархизация власти в России ведёт к тому, что средней

и нижней частям господствующего класса мало что достаётся (а эксплуатируемые низы вообще лишаются части необходимого продукта). Поэтому в самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были заинтересованы середина и низы господствующего класса, т. е. его основная часть. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы «детей боярских» в их борьбе с «отцами». Так русское хозяйство сработало на опричнину и на самодержавный вектор развития.

Итак, борьба дворянства и боярства – не миф, но главный объект борьбы – не собственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.

Самодержавие – это особый строй власти (и собственности), при котором господствующий класс консолидируется вокруг центральной власти, причём консолидируется до такой степени, что само функционирование его в качестве господствующего класса возможно лишь через посредство авто-субъектной власти, как её функция. И достигнута эта консолидация была с помощью опричнины, которая и была эмбрионом самодержавия. Встав на ноги, самодержавие реализовало крепостничество как средство и форму гарантии получения своей доли прибавочного продукта именно серединой и «низовкой» господствующего слоя.

Крепостничество – продукт самодержавия, но закрепо-

стителем выступил не Иван Грозный, а Борис Годунов. Однако обратной, если угодно, тёмной стороной обеспечения этих гарантий стала нивелирующая тотализация, функционализация, если угодно – демократизация господствующего класса. Это та цена, которую пришлось уплатить массовым слоям господствующего класса за доступ к минимуму прибавочного продукта.

В условиях небольшого объёма прибавочного продукта только едиnodержавная власть могла обеспечить доступ к нему всех слоёв господствующего класса, но средством и ценой был нивелирующий надзаконный контроль над этим классом и требование от его представителей абсолютной лояльности.

Главное – лояльность; нелоялен – значит, непривластен, а потому лишаешься земли, а следовательно – прежнего объёма прибавочного продукта. Здесь становится понятно, почему опричнина проехала катком и по части дворянства и вообще по сторонникам централизации.

Логика новой самодержавной власти, а следовательно, и опричнины заключалась в нивелировке господствующего класса в целом перед лицом царской власти. Ещё с доопричных времён, с 1556 года («урavnительное землемерие» Адашева) вотчинники обязаны были служить – власть нивелировала **служебное** различие поместья и вотчины. В социальном персонаже опричника нивелировались **любые** различия между представителями господствующего слоя – сами

опричники могли помнить, что одни из них – князья, а другие – худородные, «взятые от гноища». А вот с точки зрения опричнины как ЧК, с точки зрения власти, это не имело никакого значения.

Организующим принципом опричнины была лояльность этой ЧК как новой форме власти. Нельзя не согласиться с теми, кто считает: главное в опричнине не то, что страна рассекалась по горизонтали, а то, что власть рассекалась по вертикали, причём само существование верхнего, чрезвычайного сегмента обесценивало нижний.

Именно этот верхний сегмент обеспечивал царю необходимую, критическую массу власти-насилия для разрыва княжебоярского «комбайна». Если когда-то внеположенная Руси масса Орды обеспечила великим князьям власть и в то же время сплотила их с боярством, то теперь внеположенная «остальной», земской Руси масса опричной «чрезвычайки» эту связь рвала – с ордынским наследием рвали с помощью новых, обусловленных этим же наследием и его плодами («комбайном») способом: не будь княжебоярства, не понадобилась бы опричнина. **Опричниной Грозный царь ответил не только Киевской эпохе в лице её реликта Новгорода, но и Орде.** В то же время это был ответ на давление Запада – экономическое, военно-политическое и, что не менее важно, духовное. Но это отдельная тема, над которой интересно работает замечательный историк И.Я. Фроянов.

Формально, внешне опричнина (т. е. рождение новой власти, нового строя) выглядела как возвращение к удельной старине: опричнина воздвигалась, надстраивалась над остальной, земской Русью для решения задач, которые из-за слабости общественных сил и институтов, из-за низкого уровня совокупного общественного продукта и связанных с этим медленных темпов общественного развития, из-за создания и консервации в ордынскую эпоху особой властной формы – княжебоярского «комбайна» – могли быть решены только в режиме «чрезвычайки», как в плане организации, так и в плане времени.

Опричнина до конца «дотёрла» удельную систему, устранив даже её следы; окончательно «переварила» Новгород и в значительной степени поставила под контроль церковь. Произошло это рывком – преемственность через разрыв. Ещё раз повторю: терапевтически-эволюционная возможность существовала лишь в теории; в конкретной исторической практике действовать можно было только хирургически. Иначе, в лучшем случае, Россия превращалась бы в нечто полыпеподобное, олигархическое, с перспективой войны всех против всех – так оно и произошло в Смуту, однако грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учётом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как

исторического явления.

Впрочем, опричнина – не только конкретное историческое явление, она ещё и один из принципов русской власти, иными словами, опричнина нетождественна себе в единственном пространстве истории – во времени.

Опричный принцип власти

Следует различать опричнину в узком смысле слова – как конкретное историческое явление, и опричнину в широком смысле – как чрезвычайную организацию и как принцип власти. Опричнина в широком смысле есть чрезвычайная комиссия (организация, орган, корпус), ориентированная на решение внеинституциональным, но легальным способом (или на грани легального и внезаконного, нередко – тайным способом) важнейших задач перераспределения власти и собственности; вне-институциональность и секретность обеспечивают стремительность решения задачи; по выполнении своей миссии ЧК (опричнина) либо институционализируется, либо распускается.

В своём функционировании русские опричнины воспроизвели черты организаций орденового типа и тайных обществ. Не случайно они обрушивались на уже существующие орденовые и конспиро-структуры – «боливару» русской истории не вынести двоих, тем более что такие структуры часто имели олигархическую ориентацию, а ещё чаще направлялись из-за рубежа (показателен запрет в России в 1822 году тайных организаций и масонских лож, а в 1922 году – решение о несовместимости членства в коммунистической партии и масонских организациях).

В то же время ни одна опричнина не превратилась в орден

в связи с тем, что была чрезвычайным органом власти. Впрочем, это не означает принципиальной невозможности развития событий в таком направлении в определённой ситуации – например, в условиях волнового резонанса внутреннего и внешнего кризисов, ставящих под угрозу существование легальной власти, в ситуации длительной борьбы с институционализированным криминалом и т. п.

Опричнина в общеисторическом смысле есть социальное (организационное) оружие, исправляющее и направляющее в определённый момент ход истории в определённом направлении. Этот момент – точка бифуркации, когда развитие системы зависит не от силы толчка (он может быть слабым), но от направленности, и достаточно небольшого усилия, чтобы двинуть систему в некоем направлении, с которого она по инерции уже не сойдёт. Поэтому достаточно относительно небольшой (несколько тысяч, а порой и сотен человек) группы, чтобы изменить вектор истории – при одном условии: **группа должна действовать в миг-вечность точки бифуркации. Последняя есть пространство и время опричнины, где эти измерения сжаты почти в сингулярную точку, и достаточно слегка изменить направление удара, чтобы изменить ось истории.**

Опричный принцип власти возник как преодоление олигархического и, в свою очередь, породил самодержавный, после чего все принципы зажили собственной жизнью, вступая в непростые отношения друг с другом и сформировав

своеобразную триаду или, если угодно, треугольник – самую устойчивую фигуру.

Опричнина как принцип представляет собой комплекс чрезвычайных мер и реализующих их органов и лиц, параллельный контур управления, надстраиваемый над уже существующим и охватывающий его, превращая в свой внутренний объект для перемалывания и переваривания, в источник своего развития.

Как уже говорилось, задача «чрезвычайки» – решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иначе решены быть не могут. В России причинами бытия опричного принципа являются недостаточная степень развития и сформированности социальных сил, слабость институтов, нередко – их заточенность «на прошлое». Эти причины, в свою очередь, обусловлены медленными темпами русского развития, детерминированными незначительным объёмом прибавочного продукта и – в случае с грозненской опричниной – консервирующим влиянием Орды и её наследия, которое потребовало для его преодоления социальной хирургии. По завершении своих функций «чрезвычайка» превращается в регулярный институт и КАК БЫ отменяется без реальной отмены – она институционализируется (опричнина – Государев двор, ЧК – ГПУ).

В русской истории опричнина ситуационно, на краткий миг компенсирует не только слабость институтов и органи-

зованных социальных сил, но вообще отсутствие очень важной и имеющейся у многих, если не большинства индоевропейских народов сословия (Варны, слоя) воинов (кшатриев). Служилые люди хороши многим, но в целом ряде ситуаций они не могут заменить профессиональных военных как слой. Служилые – служат, но бывают ситуации, когда надо сражаться, что предполагает не только профессиональную выучку, но дисциплину, определённый тип мышления, поведения и субъектности.

Я уже не говорю о влиянии военно-аристократической группы на гражданскую жизнь и культуру в частности. Показательно, что русские одерживали победу в войнах отечественных, народных, когда военно-служилым становился весь народ (поэтому проваливались все попытки оккупировать Россию), но проигрывали такие войны (или одерживали исключительно тяжёлые победы с большими потерями), в которых народ не был задействован и которые должно выигрывать силами военного сословия.

Итак, «чрезвычайка» есть временная и чрезвычайная русская компенсация отсутствия профессионального военного сословия; дворянство – служилое, по сути, сословие.

Сила опричного принципа и специфика обусловленной им технологии власти таковы, что он может быть реализован и без создания «чрезвычайки». В определённых условиях для решения чрезвычайных задач могут использоваться существующие организации и институты, которые в та-

ком случае начинают действовать неинституциональным образом и в иных, чем исходно «заложенные» в них, целях, т. е. **функционально** превращаются в «чрезвычайку», **содержательно** оставаясь регулярными институтами.

Необходимо особо подчеркнуть, что опричнина направлена на создание новых форм, которые подчиняют старые, используя их в качестве фундамента для создания новых систем. Не случайно результатом первой опричнины было московское самодержавие, второй – петровско-петербургское, третьей – СССР, советский коммунизм. Опричный принцип созидателен по определению. Поэтому, например, керенщина или горбачёвщина не могут считаться формами реализации этого принципа, поскольку их целью – сознательно или стихийно-объективно – было разрушение, управленческий хаос; к тому же и у Керенского, и у Горбачёва были кукловоды – как внутри страны, так и за рубежом; опричнина же по определению не марионеточное явление.

Чрезвычайный (опричный) контур власти был мерой, направленной против встроеной в русскую власть с княжебоярских времён и постоянно присутствующей в ней тенденции к олигархии, против олигархического принципа. Весьма показательны, что даже в XVIII – первой половине XIX века в начале правления каждого монарха вельможи каждый раз пытались протолкнуть олигархический проект, ограничивающий самодержавие, превращающий его в олигархическое самодержавие. В СССР торжество олигархии называ-

лось «возвращением к ленинским нормам власти».

Наиболее отчётливо стремление олигархизировать самодержавие проявилось в попытках вельмож ограничить центральную власть при воцарении Екатерины II и Александра I. Ну, а декабристы своим собором из 120 навечно назначенных бояр и подавно под видом республики стремились реализовать олигархическое самодержавие, в котором тотально-самодержавная, по сути, бюстительная власть должна была надстроиться вполне опричным образом над системой разделения властей. По этому поводу, перефразируя Троцкого, можно сказать: «без царя, а правительство – боярско-самодержавное».

В самом конце XIX века власть в России просто олигархизировалась: «единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию, увы! не достойных, а более бесстыдных», – писал в своих воспоминаниях о позднем самодержавии Н.Е. Врангель. То же самое произошло с поздним коммунизмом: власть в СССР в 1960-1970-е годы – это олигархия, т. е. произошло то, с чем упорно боролся Сталин.

И вот что показательное: **олигархизация власти в России, торжество олигархического принципа, объективно ослабляющего центральную власть, всегда было на руку западным противникам России**, и они работали на развитие именно этого принципа как прямым (ослабление России финансово-экономическими, военнополитическими и информационно-психологическими средствами,

последние – от идейно-религиозной диверсии под названием «церковная реформа XVII века» до «художеств» времён холодной войны), так и косвенным образом (способствование развитию в России альтернативных форм власти – масоны, революционеры и т. п.).

Существует прямая положительная корреляция между уровнем интегрированности России в мировую капиталистическую систему и степенью мощи олигархического принципа. Неслучайно наибольшую силу он набирал в послереформенной России и послекоммунистической РФ, да и в СССР он набирал силу прямо пропорционально экономической и культурно-психологической интеграции страны, её верхов в капиталистическую систему.

Замечу ещё раз: олигархический принцип встроен в автосубъектную власть. У нас это наследие княжебоярского «комбайна», от которого никуда не деться, это выстрел из ордынского прошлого Руси, стрела, расщепить которую влёт призван опричный принцип – выстрел из будущего. Столкновение двух принципов породило самодержавие и, соответственно, самодержавный принцип, который, как уже говорилось, начал жить самостоятельной жизнью, замкнув «триаду».

Много опричнин, хороших и разных?

Исторически первой опричниной была таковая Ивана Грозного. Вторая опричнина – петровская гвардия. «Бархатной» формой реализации опричного принципа были «Редакционные комиссии», готовившие отмену крепостного состояния, и «Верховная распорядительная комиссия» Лорис-Меликова. Наконец, третья опричнина – это большевики, XX век. Здесь, однако, ситуация далеко не проста.

Организацией квазиопричного типа была ленинская партия профессиональных революционеров. Придя к власти с иностранной помощью, она довольно быстро выродилась в «ленинскую гвардию», особенно после того как в 1923 году растаяли последние надежды на мировую революцию, ради которой брали власть в октябре 1917 года и курочили страну в 1918 году, провоцируя гражданскую войну, и гигантские счета в иностранных банках из мир-революционной собственности превратились в личную. «Гвардия», олигархический характер которой признавал сам Ленин, в 1920-е годы повела страну если не к разрушению, то к окончательному превращению в придаток Запада. Именно с этой выродившейся, в значительной степени связанной с фининтерном («правые глобалисты») и сильной как фактор мирового масштаба («левые глобалисты» – Коминтерн), уже не красной и немолодой (во всех смыслах) «гвардией», пришлось

столкнуться Сталину в ходе создания сильного советского государства.

К этому столкновению Сталин подошёл творчески: он полностью использовал опричный принцип, не создавая при этом свою опричнину – последнее было невозможно. В то же время существующие институты и структуры были ориентированы на «гвардию Ильича» – по крайней мере, так они задумывались и конструировались. Вот эти уже существующие структуры Сталин сумел заставить выполнять чрезвычайные, внеинституциональные функции, работать в качестве его опричнины, т. е. чрезвычайного органа, ориентированного на цели, прямо противоположные исходным – «и лучше выдумать не мог».

Сталин заставил регулярные структуры работать в чрезвычайном, т. е. несвойственном их природе (содержанию), функциям и целям режиме, рекомбинируя и сталкивая их. Он не всегда побеждал, ему приходилось отступать и кружить, «сживая врага со света», его жизнь часто висела на волоске, особенно в 1936–1938 годах. Однако в конечном счёте он выиграл, обогатив опричный принцип нестандартным применением.

Опричнина Сталина – это **опричнина без опричнины**, функциональная опричнина. Успеху сталинской игры в немалой степени способствовало то, что в молодом советском обществе институты ещё не до конца оформились и их можно было на какое-то время «перепрофилировать» или

вообще использовать неинституциональным способом. Как только оформление произошло – это случилось во время Великой Отечественной войны, – пространство опричных игр стало сжиматься и, в конечном счёте, сжалось до одной отдельно взятой фигуры – вождя, а после его смерти началась олигархизация.

Русские опричнины были очень разными, каждая из них соответствовала своему времени.

Так, опричнина Ивана Грозного приняла форму монастырской, церковно-орденской организации. Петровская опричнина в духе XVIII века была гвардией. Большевистская – в духе XX века – партией, правда, невиданного доселе «нового типа». Наконец, Сталин использовал опричный принцип с опорой на властные структуры и спецслужбы. Однако суть, чрезвычайная и в то же время легальная, оставалась прежней, как и целевое назначение – подчинение существующих властных институтов новой форме, которая сначала явлена в виде «чрезвычайки», надстроенной над ними, рядоположенной им или перезагружающей их.

Опричнина представляет собой орган комплексного воздействия на социальный процесс, комплексный аппарат управления. Здесь задействованы властное измерение (энергия), собственническое (вещество) и идейное (информация). При этом от опричнины к опричнине роль и значение психоинформационного измерения возрастает. Если в опричнине Ивана Грозного оно играет минимальную роль,

то в таковой Петра I оно на первом плане – культурный переворот, изменение психоисторического кода, правда, переворот, охватывающий только верхушку.

В ситуации применения опричного принципа Сталиным, так же, как и в опричнине «профессиональных революционеров», психоинформационный аспект не только приобретал первостепенное значение, но его объектом становились все слои населения.

И ещё одно. Каждой последующей опричнине приходилось иметь дело с обществом, находившимся в худшем социальном и социально-психологическом (психическом) состоянии, чем то, с которым имела дело предыдущая «чрезвычайка». Опричнина Ивана имела дело с относительно здоровым обществом, груз его проблем накапливался в течение длительного времени, развитие шло медленным темпом, русское население было свободным. Наиболее острые противоречия концентрировались главным образом наверху социальной пирамиды. Пользуясь пушкинскими метафорами, можно сказать: «море слегка разыгралось», «помутилось синее море».

Пётр курочил всё ещё сильное, но уже не вполне здоровое русское общество – подгнило что-то в царстве русском. Этим чем-то были, во-первых, результаты раскола, надломившего русскую жизнь и вымостившего дорогу петровским преобразованиям и его «бесенятам»; во-вторых, крепостное, т. е. несвободное состояние части русских людей – тоже сво-

его рода раскол; в-третьих, беспокойство «бунташного века» – «неспокойно синее море», «почернело».

Сталин «работал» опричный принцип в очень больном обществе – пореформенно-революционно-послереволюционной России, в России эпохи Смуты 1870-1920-х годов, когда декаданс верхов тесно перемешивался с разложением низов (Распутин в этом плане – фигура квинтэссенциально символичная). Мало того, что в пореформенной России, давшей свободу силам гниения, распада, подмороженной Николаем I, шёл процесс разложения старого, обгонявший процесс социальной организации, – на всё это наложились хаосогенные результаты революции и гражданской войны («быль царей и явь большевиков» – М. Волошин), стихия, развязавшая руки «биологическим подонкам человечества» (И. Солоневич), и планомерная деятельность по уничтожению России и русских интернационал-социалистами («замыслы неистовых хирургов / И размах мастеров» – М.Волошин). Ну а в довершение – отвратительный НЭП, добавивший к разложению старого режима ещё более быстрое и отвратительное по форме разложение нового режима, НЭП, провалившийся уже в середине 1920-х годов и тащивший за собой в Тартар Истории, т. е. в сырьевое и «культурное» рабство у буржуинов, советскую страну. Плюс сопротивление и вражеское окружение («...на море чёрная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют»).

Иными словами, сталинская «опричнина» имела дело с очень больным – сверху донизу – обществом. И к тому же с неизмеримо более сложным обществом, чем в XVI или XVIII веке, неизмеримо более сложным и враждебным внешним миром и неизмеримо более сложными, почти неразрешимыми задачами на повестке дня.

Ясно, что больное общество лечить намного тяжелее, чем легко- и среднебольное, тем более что лекарей и средства для лечения надо извлекать из этого больного, взбаламученного общества, из «России, кровью умытою» и уже привыкшей к крови, с трудом понимающей иной язык и, главное, перешедшей от «горячей» гражданской войны 1918–1922 годов к «холодной гражданке» 1920-х, которую будут усмирять встречным пожаром репрессий 1930-х годов и которая окончательно выдохнется во время Великой Отечественной войны. И то, что в таких условиях Сталин не создал свою опричнину, а использовал опричный принцип как кладенец-невидимку, является скорее плюсом, чем минусом. Впрочем, каждое приобретение есть потеря я, и каждая потеря есть приобретение, как говорят наши заклятые «друзья» англосаксы.

Различия между тремя опричинами не сводятся лишь к тому, что сталинская была скорее принципом, материализовавшимся в различных организациях, а таковые Ивана IV и Петра I – конкретными организациями-«чрезвычайками». Ещё более важно и серьёзно другое отличие – по со-

держанию, классовой и цивилизационной («национальной») направленности.

Опричнины Ивана и Иосифа Грозных («грозненская» версия опричнины) – это одно. Опричина Петра I («питерская» версия) – другое. Различия следует искать в том, насколько эти варианты сплачивали страну, власть и народ в единое целое, как работали на развитие России как особого культурно-исторического типа (цивилизации).

«Грозненская» версия опричнины в обоих своих вариантах носила ярко выраженный национальный характер, сплачивала верхи и низы в достижении единой цели, а в цивилизационном плане – была выражением самобытного развития России, антизападной по направленности (в одном случае – антифеодальной, в другом – антикапиталистической); обе опричнины представляли собой, помимо прочего, **диктатуру над потребностями прежде всего верхов.**

«Питерская опричина» представляет собой жестокое («огнём и мечом», а точнее, дыбой и топором) создание новой господствующей группы, оторванной от народа и противопоставленной ему, социокультурно ориентированной на Запад и способной в силу этого к беспощадной эксплуатации русского населения как туземно-чужого. По различным оценкам, за петровское правление уровень эксплуатации населения властью и господствующими группами вырос в 5-10 раз по сравнению с 1670–1680 годами, и это при неизменном уровне создаваемого совокупного общественного про-

дукта. Ясно, что речь идёт просто об узаконенном грабеже, и неудивительно, что его результатом стало сокращение населения на 20–25 %, разорение целых социальных групп и погром экономики, от которого она оправилась только к середине XVIII века.

К этому же времени относится окончательное социально-экономическое (но не социально-политическое) формирование нового – западоидного – дворянства, дерущего с крепостных рабов три шкуры и не считающего их людьми. Дело в том, что довольно скоро после оформления крепостничества в 1649 году стало ясно: московское самодержавие как форма неадекватно крепостнической системе, не может обеспечить её реальное развитие, так как господа и крепостные относятся к одной культуре, у них одни и те же вера, ценности, язык, да и быт отличается не качественно. Для полномасштабной реализации крепостничества нужна была другая по форме и технологии власть, другая форма самодержавия – такая, где верхи и низы отличаются друг от друга как два субэтноса.

Эту систему создал Пётр на основе западных властных и гуманитарных технологий. Его «кромешники» – это уже не ордынская или московская технология власти, а западная, отлившаяся в форму гвардии. Без этой технологии, без гвардейско-армейской оккупации страны, русские верхи не превратились бы в отдельный народ, русские крепостные не стали бы рабами екатерининских времён, а крепостное состоя-

ние так и осталось бы зачаточно-русским, относительно мягким.

Ну, а формально реализации этой технологии внутри России помогла внешняя военная ситуация – Северная война, с которой началось интенсивное и жестокое включение России по политической линии в мировую систему XVIII века, в отстоявшуюся за вторую половину XVII века «вестфальскую систему», и в которой власть (а позднее историки) оправдывали петровские «реформы».

Формально – во-первых, потому что главные победы в войне были одержаны не новой армией и флотом, а старыми. Победу при Лесной, «мать полтавской виктории», одержали полки «старого строя», а главные морские победы над шведами одержал не парусный, а гребной флот.

Во-вторых, что ещё более важно, эксплуатация продолжала нарастать и после того, как в войне произошёл перелом (1708 год – битва у Лесной; 1709 год – Полтавская битва; 1714 год – Гангутский бой), и Россия медленно, но верно пошла к победному для неё финалу 1721 года. Ещё в 1716 году Военный Устав был распространён на гражданскую службу: уже после окончания войны, в соответствии с законом о поселении полков («Плакат», 1724 год), армейские полки (200 тысяч человек) были размещены на вечные квартиры по губерниям и уездам для сбора подушной подати, контроля над населением (чтоб никто не покидал местожительства без разрешения) и гражданской администрацией, выполне-

ния полицейских функций. Всё это нельзя охарактеризовать иначе, как оккупацию собственной страны – Грозный оккупировал только часть, и то временно.

Иными словами, не в войне дело, а в задаче резкого усиления социального контроля в целях увеличения и ужесточения эксплуатации. Причём до такой степени, что «птены гнезда Петрова» вынуждены были серьёзно притормозить политику Петра буквально через несколько недель после его смерти (записки генерал-прокурора Ягужинского императрице о неминуемой финансовой катастрофе из-за разорения крестьянства).

Однако, как в случае с Иваном IV и Смутой начала XVII века, петровская опричнина набрала инерцию и, несмотря на вялотекущую «смуту наверху» в виде дворцовых переворотов, в елизаветинско-екатерининское правление из петровской опричнины откристаллизовалось петербургское самодержавие (правда, с привкусом и послевкусием дворяновластия, с которым пытались бороться Павел I и Николай I), если так можно выразиться – «самодержавие с дворянским лицом».

Логическим результатом петровской опричнины и имманентной чертой петербургского самодержавия, достигшей пика при Екатерине II, стало полное рабство крепостных и усиление в её правление в 3–4 раза эксплуатации как частновладельческих, так и крепостных крестьян. И это при внешних и внутренних займах, из-за которых госдолг к концу

правления «матушки» достиг 200 млн. рублей, и России удалось расхлебать эти результаты правления Екатерины только в николаевское время благодаря реформе Е.Ф. Канкринна.

Таким образом, объективно векторы «грозненских» и «питерской» опричнин были разными, именно поэтому я их и противопоставляю друг другу. Но различие не только в направленности, т. е. в перспективе, но и в ретроспективе. Чрезвычайные режимы Ивана и Иосифа Грозных вводились по схожим обстоятельствам. К середине 1560-х годов, как и к концу 1920-х, было проедено материальное наследие – «вещественная субстанция» – предыдущих эпох. В 1560-е годы был исчерпан земельный фонд, из которого дед и отец Ивана IV черпали землю для раздачи в качестве поместий. Исчерпан до такой степени, что Ермолай Еразм советовал царю перестать раздавать детям боярским землю, а посадить их на «продовольственный паёк» – этот «подход» будет реализован в сталинскую эпоху, когда различные ранги номенклатуры станут отличаться друг от друга объёмом и качеством потребляемого.

В 1920-е годы было исчерпано наследие дореволюционной эпохи: промышленность развалилась, сельское хозяйство стагнировало, оба эти сектора не создавали друг другу условий для расширенного производства.

В 1564 и 1929 годы перед властью стоял нелёгкий выбор: за счёт кого предпринять новый рывок, кто станет главным источником материальных средств для рывка и создания но-

вой формы власти – верхи или низы? Ясно, что так или иначе, в той или иной степени – и те, и другие. Но в какой степени? В каком соотношении? И какой будет ориентация рывка – государственно-национальная или олигархическая с оглядкой на Запад?

Иван Грозный и Сталин выбрали удар по верхам (впрочем, и низам досталось) и национально-ориентированный курс. Земщина (боярские фамилии) против своей воли профинансировала опричнину. «Ленинская гвардия» – тоже против своей воли, но продлевая себе тем самым жизнь, – в значительной степени профинансировала индустриализацию: награбленные в России с 1917 года миллионы фунтов, долларов, франков, марок, драгоценности, которые «гвардейцы Ильича» размещали в западных банках, сначала главным образом для целей мировой революции (т. е. мирового захвата власти), в топке которой планировалось сжечь Россию, затем главным образом для себя – страховка на всякий пожарный случай.

С конца 1920-х годов и, с ускорением, после 1929 года деньги стали возвращаться в СССР: фонд «мировой революции»/личных сбережений верхушки «партии нового типа» заработал на индустриализацию «одной, отдельно взятой страны». Именно этого больше всего не могут простить Сталину сродственники и потомки большевистской верхушки, отсюда – ненависть, здесь её «логово», как сказал бы Глеб Жеглов. Возвращение стране награбленного совпало, есте-

ственно, и с властной атакой на владельцев капитала – исчерпание последних стало не только властным, но и жизненным финалом гвардейцев «большевицкого кардинала» – победили сталинские «мушкетёры», эффективно охотившиеся за алмазными «подвесками» по всему миру.

Это то, что Гегель называл коварством Истории: награбленное было возвращено и позволило СССР в течение десяти лет выйти на второе место в мире по объёму производства. Те, кто готовил России место в топке мировых процессов, сами угодили в неё, а пепел был унесён ветром Истории, прямо по Рембо (в переводе Е. Витковского):

*Я плыл вдоль скучных рек, забывши о штурвале:
Хозяева мои попали в плен гурьбой —
Раздев их и распяв, индейцы ликовали,
Занявшись яростной, прицельною стрельбой.*

И действительно, бывшие хозяева страны, корёжившие её на потребу левых и правых глобализаторов с их прожектками «мировых Венеций» и – фактически – мирового правительства и державшие русских за своего рода индейцев, попали в плен к власти, развернувшей социализм именно в сторону «индейцев», представители которых и занялись в чрезвычайном режиме прицельной стрельбой по ленгвардейцам в подвалах Лубянки. Как говорится, «ступай, отравленная сталь, по назначенью». И это назначенье совпало с задачей индустриализации России (СССР), не позволившей гитле-

ровскому Евросоюзу смять нас, т. е. – с задачей общенациональной.

Питерская версия опричнины versus грозненские, или погоня за убегающим пространством

В отличие от грозненских опричнин, возникших на основе и в условиях истощения системой вещественной субстанции предыдущей эпохи, что ребром ставило вопрос перераспределения (кто исключает кого? кто отсекает кого от общественного «пирога»/продукта и в какой степени?), появлению «питерской» опричной версии не предшествовало никакое истощение вещественной субстанции.

Напротив, последнее тридцатилетие «бунташного» XVII века, не будучи спокойным, как и весь век, и не идя ни в какое сравнение, например, с тридцатилетиями 1500-1530-х, 1825-1855-х или 1955-1985-х годов, в целом всё же было нормальным. По крайней мере, оно не ставило вопросы о переделе власти и собственности из-за нехватки вещественной субстанции. Вопрос был иным и возник на иной основе.

Выше уже говорилось о том, что московское самодержавие в силу его патриархальности не могло обеспечить такое функционирование крепостничества, которое было бы адекватно сути этой системы. Во-первых, оно не обладало достаточной «массой» насилия и социального контроля; достаточно заметить, что подавление казацко-крестьянской вой-

ны Степана Разина потребовало задействовать половину вооружённых сил страны в сорока крупных сражениях. «Бунташный век» – реакция на крепостничество – показал, что вставшему на ноги самодержавно-крепостническому строю нужна иная, уже не ордынско-московская, а западная технология власти, с помощью которых можно осуществить новое завоевание страны (перезавоевание, оккупацию: «проходят петровцы – салют Батью»).

Восстановив в середине XVII века грозненское самодержавие и установив крепостничество, московское самодержавие лишь зафиксировало некое состояние, но не смогло сколько-нибудь серьёзно двинуть его дальше. Крепостные порядки мало продвигались, несмотря на их развитие вширь и вглубь; они не пускали сильных корней. Так, во второй половине XVII века после смерти старого хозяина новый брал с каждого крепостного личную клятву быть крепким наследнику, т. е. налицо личные отношения. А ведь крепостное право предполагает автоматическую и безличную вечную службу семьи крепостных семье их владельца. Что-то, помимо нехватки насилия, мешало, сопротивлялось в XVII веке установлению такого порядка.

Во-вторых, и это имеет отношение к указанной помехе (я уже говорил об этом выше), крепостничество требовало не просто большего социального контроля, а резкого качественного усиления дистанции между господами и угнетёнными, слома той патриархальной практики, отношений

верхов и низов, которые существовали с киевских времен, упрочились в ордынские и московские времена, получив дополнительный стимул во время Смуты и послесмутного восстановления, и в основе которых лежали общие, разделяемые верхами и низами язык, вера, ценности, тип культуры. Обеспечение такой дистанции требовало не только переворота-разлома в культуре, но создания новых властных институтов (старые, например, земские соборы, с середины XVII века затухали), новых, более эффективных задачам самодержавно-крепостнического строя и новой европейской эпохе господствующих групп.

Фундамент для увеличения дистанции между верхами и низами объективно закладывали Алексей и Никон с помощью церковной реформы. Раскол был первым по-настоящему крупным, масштабным духовным (психоинформационным), социальным и организационным – короче, психоисторическим конфликтом, вызванным самодержавием в соответствии со своими внутренними и внешними (последние в данном случае были ложными, «навешанными» иезуитами простоватому, мягко говоря, Алексею) целями. Однако линия алексеевско-никоновского раскола не прошла чётко между верхами и низами: сторонники старой веры были во всех слоях. И всё же представитель бездарной династии Романовых Алексей и Никон нанесли **первый мощный удар как по русской традиции, так и по единству населения.**

В известном смысле раскол может рассматриваться как

генеральная репетиция по отношению к петровским реформам (ср. Просвещение и Французскую революцию, а также террор в России конца 1870-х и революцию 1905–1907 годов, с одной стороны, и революцию 1917 года, с другой). И всё же задачу дистанцирования никоновская психоинформационная акция не решила, поэтому-то Аввакум, возражая тем, кто видел в Никоне антихриста, говорил: «Дело-то его и ныне уже делают, только последний-ет чёрт не бывал ещё». Т. е. антихриста пока нет, но он явится. Он и явился – в виде мальчика с кошачьими усами и непропорционально маленькой головой на жердеобразном бесплечем теле.

Таким образом, не истончение вещественной субстанции прошлой эпохи, а её передел в целях создания новых форм социального контроля, потребовавших, в свою очередь, создания новых властных институтов, независимых как от низов, так и от верхов, и, самое главное, новых господствующих групп, оторванных и автономных от низов, отделённых от них в плане культуры и способных жестоко эксплуатировать их – эдаких психоинформационных киборгов, «чужих» и «хищников» в одном флаконе, но таких киборгов.

Эта задача была решена Петром с помощью его опричнины, развернувшейся после перелома в войне со шведами. Как и всё в России, включая все опричнины, петровская полностью и всех своих целей не достигла, Россия – вязкая страна. «В этой стране, вязкой как грязь, ты можешь стать толстой, ты можешь пропасть», – пелось в одной из песен групп-

пы «Наутилус Помпилиус». Задолго до «наутилусов» Победоносцев заметил, что Россия – тяжёлая страна: ни революция, ни контрреволюция здесь до конца не доходят. А потому, добавлю я, результаты первой и второй внешне здесь часто похожи. Так же, кстати, и с опричниками: **конкретно** исторические различия между ними не стоит абсолютизировать; главные различия носят, как сказал бы М. Вебер, «идеально-типологический», векторный характер.

Как я уже сказал, всех целей петровская опричнина не достигла. Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, Пётр «на тысячу рванул как на пятьсот – и спёкся» (В. Высоцкий). Я имею в виду то, что петровская опричнина быстро проела то, что создавалось в течение десятилетий до неё, проела, помимо прочего, из-за **фантастического воровства «птенцов-кукушат гнезда Петрова»**, масштабы которого несопоставимы с таковыми грозненских опричнин (и это ещё одно различие между двумя типами русских опричнин, связанное, кстати, с их направленностью и вопросом о соотношении контроля со стороны центра над верхами и низами). Результат – истощение страны и курс на отмену «чрезвычайки».

Во-вторых, главным образом пассивное сопротивление населения, помноженное на необъятные пространства, которые с трудом поддавались «неоинституционализации» (читай, например, «Старые годы в селе Плодомасове» Лескова). В-третьих, стремление монархов всё более опираться

на дворянство в целом, чтобы ослабить хватку чрезвычайки-опричгвардии на горле монархии. А такая опора предполагает уступки дворянству, вплоть до очень существенных при Екатерине II, которая, будучи муже/цареубийцей и, по сути, самозванкой на троне, вынуждена была допустить элементы дворяновластия. Эти элементы не усиливали самодержавие непосредственно, но усиливали крепостничество, т. е. то направление во внутренне противоречивой опричнине Петра I, которое было направлено на создание господствующих групп нового типа. Усилили до того, что самодержавию в лице Павла I и особенно Николая I пришлось вступить в борьбу с этой тенденцией и её персонификаторами. Эти два царя, перефразируя Блока, могли бы сказать: «Пётр, дай нам руку, помоги в немой борьбе» с тем джинном русской истории, которого ты полусознательно выпустил, если не из бутылки своей опричнины, то с её помощью». Но Пётр помочь уже не мог – Россия начала медленно загнивать, Николаю I удалось лишь подморозить её, ну а реформы Александра II «спасали» самодержавие путём институционализации гнили и распада.

Вернёмся, однако, к результатам петровской опричнины. Не достигнув всех целей, они, как и опричнина Ивана Грозного, оказались сильны своей инерцией (в том числе и потому, что измотали население и, заставив его бороться за выживание, заблокировали возможность эффективного сопротивления) и привели уже в екатерининское время к глав-

ной из поставленных целей: создали новую господствующую группу квазизападного типа, способную жестоко эксплуатировать крепостных, относительно эффективно контролировать огромную территорию и защищать её от внешнего врага как свою зону.

Достижению целей петровской опричнины способствовал ещё один мощный фактор, который в начале XVIII века сработал на питерскую версию опричнины так же, как в середине XVI века – на опричнину Ивана IV. Этот фактор – русское сельское хозяйство с его невеликим продуктом, следствием чего является господство экстенсивного типа развития над интенсивным.

Компенсируя слабые возможности интенсификации, развития вглубь, русское хозяйство развивалось вширь – путём экспансии. Это, прежде всего, монастырская колонизация XIV–XV веков, ну а в XVI веке русский человек перешёл за Камень (Урал) и начал осваивать Сибирь. Русофобы квалифицируют русскую экспансию как имперскую, якобы свидетельствующую об агрессивности и политическом экспансионизме России и русских. На самом деле экспансия носила, во-первых, хозяйственный характер; во-вторых, народный (помимо прочего, в XVII веке народ, наиболее активные его элементы побежали сначала от самодержавия, а затем от никонианства). И только в-третьих, можно говорить о политическом характере экспансии, обусловленном прежде всего тем, что власть гналась за растекавшимся народом, бежала

за ним, стремясь откристаллизовать эту жидкость, «подморозить» и в таком виде поставить под контроль. Но в основе всего, повторю, специфика русского хозяйства с его малым продуктом. Отсюда – экстенсив, постоянное расширение русского пространства. Закончился в конце XIX века экстенсив, и шарахнули революции начала XX века, а затем возник советский коммунизм – попытка (впервые в таком масштабе в русской истории!) превратить русское экстенсивное развитие в интенсивное.

Во второй половине XVII века в процессе освоения русскими евразийского пространства произошёл качественный скачок, к которому московское самодержавие не было готово и которому оно не было адекватно. Оно не поспевало за стремительно растекавшимся по стремительно расширяющемуся русскому пространству населением, не годилось для выполнения этой задачи. Не только внутренние факторы, но и внешние – территориальный рост, сопровождающийся увеличением внешних угроз, делали его неадекватным новым задачам, задачам новой эпохи. А эпоха эта характеризовалась превращением Московской Руси в то, что Ф. Бродель называл «мир-экономикой», а И. Валлерстайн – мир-системой. В XVII веке Московское царство стремительно превращалось в мир-систему, которая просуществует до середины XIX века и пиком развития которой станет николаевская эпоха. После Крымской войны Россия станет превращаться в элемент мировой системы, однако сталинский

национал-большевизм вырвет её оттуда и превратит в мировую антикапиталистическую систему, пиком развития которой станет брежневская эпоха.

Ключевский называет третий период русской истории великорусским, датируя его серединой XV – началом XVII века (я бы прибавил полстолетия). Главной чертой этого периода историк считал растекание главной массы русского населения из верхневолжской области на юг и восток по донскому чернозёму. Н.П. Огановский именует этот период московским, доводит его с середины XV до конца XVII века (я бы убавил полстолетия) и подчёркивает колонизацию Поволжья и Прикамья. По сути, оба историка говорят о стремительном растекании русского населения во все концы – власть не поспевала за ним. «Текущий элемент русской истории» – так характеризовал русский народ Ключевский. Власть, иными словами, не поспевала за мир-системой, она была патриархально-московской, а нужна была российская, «мир-системная» («имперская»).

Более того, с 1620-х годов, считает Ключевский, начался новый период русской истории – всероссийский, продлившийся до середины XIX века.

Н.П. Огановский называет этот период имперско-дворянским, правда, связывает его не с XVII, а с XVIII – серединой XIX века. Оба историка говорят о втором колонизационном поясе (Новороссия, Нижнее Поволжье), о распространении русского народа по всей равнине от Балтийско-

го и Белого моря до Чёрного и Каспийского, о проникновении за Камень (Урал) и Каспий, о присоединении к России Малороссии, Белоруссии, а в XVIII веке – Новороссии. Середина XVII века – (вос)становление самодержавия приходится на переход от великорусского (московского) периода аграрно-исторического развития русского народа к всероссийскому (имперски-дворянскому; «мир-системному»). Народ и хозяйство совершили этот переход, а московское самодержавие – нет, не смогло, потому что было «заточено» под предыдущий период, решало и решило в тяжелейших условиях его задачи. А затем – пятьдесят лет пробуксовки.

Т.е. «пространственно», количественно русское пространство и русский продукт увеличились (без качественного увеличения последнего), а власть и её формы остались прежними, что, помимо логики развития крепостничества, ещё более обостряло необходимость передела «вещественной субстанции» (при том, что она вовсе не была истощена, исчерпана) в пользу верхов, способных по-новому организовать, темпорализовать расширившееся пространство. А это, в свою очередь, требовало чрезвычайного, опричного создания для этого новых органов и слоёв. Иными словами, упрощая, можно сказать, что **питерская опричнина была ответом на вызов пространства, а грозненские – на вызов времени**, и это многое, хотя и не всё, объясняет в них.

С учётом опыта питерского типа опричнины становится ясно, что не стоит испытывать иллюзий по поводу оприч-

нины вообще: смотря какая опричнина – грозненская или питерская. Впрочем, не стоит питать иллюзий и по поводу грозненских опричников. Начать с того, что в рядах опричнины немало тех, кому любо насилие, кто использует её в своих целях, а то и просто «биологических подонков человечества», и чем менее здорово общество, тем в большей степени. У опричнины, по крайней мере, у её части, пусть небольшой, всегда есть соблазн и риск превратиться в «эскадроны смерти» – и вот эту часть надо отстреливать, как бешеных собак.

Будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и крайних людей, и чем тяжелее общественная ситуация, которую должна скорректировать опричнина, тем острее край. С учётом этого, забегая вперёд, можно предположить, что неоопричнина XXI века, если она возникнет, будет самым горьким лекарством, расплатой за беспредел постсоветского периода, и ударит она, как это всегда бывает в истории, не только по виноватым. Заменяя в фразе Мартина Лютера слово «истина» на слово «опричнина», можно сказать: «дух «опричнины» болезнетворен. Ибо «опричнина» не лестна. И он повергает в болезнь не просто того или иного человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы всё озлить, онедужить, осложнить, а не оберечь, опосредовать и оправдать». Опричнина – болезненное, смертельное средство лечения смертельной болезни. Но **спрашивать нужно не с опричников, они сами – боль, а с**

тех, кто запустил болезнь или даже культивировал её.

И ещё одно: опричнина никогда не достигает своих целей до конца. Один из парадоксов опричнины заключается в том, что без неё невозможен рывок из тупика посредством выхода в новое социальное измерение. Однако «чрезвычайка» не может быть вечной, а цена и побочные результаты часто таковы, что нужно их убирать, ликвидировать (часто вместе с опричниками). А в этом «оттепельном» процессе, как правило, вылезает то, с чем боролась опричнина, вылезает и начинает жить своей жизнью, жизнью, полной ненависти к данному строю и породившей его опричнине. Ненавистью и жаждой реванша. С учётом этого по поводу опричной деятельности можно сказать словами Галича: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл / Начал делать, так уж делай, чтоб не встал».

Завтра была опричнина?

Русская история демонстрирует с хрустальной ясностью: субъектом исторически судьбоносных рывков в развитии страны являются не массы, не институты и не отдельные личности, а чрезвычайные комиссии, «чрезвычайки», первой среди которых была опричнина Ивана Грозного. Именно чрезвычайный субъект, «профессиональные чрезвычайщики» «заводят» массы, организуют и направляют их. Ленин чётко зафиксировал это в своём «учении» о «партии нового типа». Но что такое «партия нового типа»? Этот же «чрезвычайка» с антисистемной направленностью – не более, но и не менее. Ленин на антисистемный лад рационализировал то, что уже дважды осуществлялось в России самой властью и на что современная Ленину власть-импотент уже не была способна.

Именно опричнина делает в русской истории грязную работу, вычищая грязь и гниль, сгоняя русских Емель с печи и, подобно швейковскому капралу, напоминая им: «Помните, скоты, что вы люди».

Сегодня РФ находится в провале и в тупике (провальном тупике). Видны ли какие-нибудь силы, способные вывести её из этого тупика? Нет. Институты? Нет. Ситуация похожа на таковые 1560-х и 1920-х годов. Откуда пришло решение в те дальние годы? Из раскола верхушки – часть её во главе

с первым лицом (царём, генсеком) использовала внеинституциональные средства, жёстко поставив другую часть под контроль и на службу национальному/имперскому (национально-имперскому) целому, выступив по отношению к этому целому в качестве особой, чрезвычайной организации, почти ордена («корпорации»).

А что вызвало раскол? То, что было проедено наследие, вещественная субстанция предшествующей эпохи, предшествующей системы и встал вопрос о переделе общественного «пирога». И опять мы оказываемся в ситуации, аналогичной, если не тождественной 1560-м и 1920-м годам: в середине ближайшего десятилетия, эдак в канун столетия Октябрьской революции будет почти полностью проедено советское наследие: промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, коммуникации. Всё придёт в негодность, поскольку последние десятилетия ничего нового не создавалось, проедалось старое – и оно же проедалщиками хаялось (как не вспомнить поговорку: едят и гадят в одном и том же месте только свиньи). Как только это произойдёт, встанет вопрос: кто будет основным источником «накопления» для движения в будущее – население или коррумпированные чиновники и «бизнесмены»? Власти придётся выбирать, и любой выбор – тяжёлый и опасный.

С населения и так уже почти нечего взять, к тому же, доведённое до отчаяния, оно может взбунтоваться – терять нечего, а тупо-зомбирующие телепередачи, достигнув точ-

ки асимптотического насыщения, станут работать контрпродуктивно. Коррупцированные чиновники и «бизнес» – часть самой власти, связанная с криминалом и иностранным капиталом – тоже опасно. Тем более что общество носит криминальный характер (во многих его сегментах криминализация становится формой социальной организации), психически нездорово, и любые резкие действия могут привести к непредсказуемым последствиям. А без резких действий – крышка.

Время паллиативов прошло; «приглашение» внешнего правления или торговля территориями маловероятны и, главное, не решат проблему. Правда, возможна попытка создания на территории РФ неких особых зон, отделённых от «остальной» территории и связанных с глобальным миром, его центрами в значительно большей степени, чем со своей страной. По сути, это анклавов глобального мира. Кенити Омаэ называет их регион-экономиками, или регион-государствами. Регион-экономика – естественная деловая единица «глобальной информационной экономики», которая представляет собой территориально обособленный комплекс, решающий свои проблемы путём привлечения глобальных ресурсов и встраивания себя в глобальные товарные цепи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.